

ПЕРЕВОДЧИК ВИКТОР ГОЛЫШЕВ РАЗМЫШЛЯЕТ О «КОТЛОВАНЕ» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА И О СВЯЗИ ЛИТЕРАТУРЫ С ИСТОРИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Литературные переводчики — люди, которые создают нас, да еще вдобавок инкогнито. Правда же, в школе, в детстве далеко не все пробегают глазами строчку, где указано имя переводчика. Мы, не глядя, читаем роман, повесть. И после каждой прочитанной книги наша жизнь меняется навсегда. Мы в этом виним — или благодарим за это — автора. А на самом деле половину — если не больше — сделал этот мастер-невидимка.

Если рассуждать так, то переводчик Виктор Петрович Голышев родил и меня, и вас, и большую часть всех людей в нашей стране, с которыми можно разговаривать хоть о чем-то. Потому что результаты его трудов — это «Завтрак у Тиффани» Капоте, это «Над кукушкиным гнездом» Кена Кизи, это «1984» Оруэлла, наконец.

Чарльз Буковски, Иэн Макьюэн, Уильям Фолкнер, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, даже 5-й том «Гарри Поттера» Джоан Роулинг — это все он.

Виктор Петрович сам похож на какого-то литературного персонажа. Его внешность экспрессионистична, обострена до крайности. Он инопланетянин, изучивший земную жизнь до последней йоты. Он перевоплощается в любого персонажа. Сегодня разговор пойдет о «Котловане» Андрея Платонова.

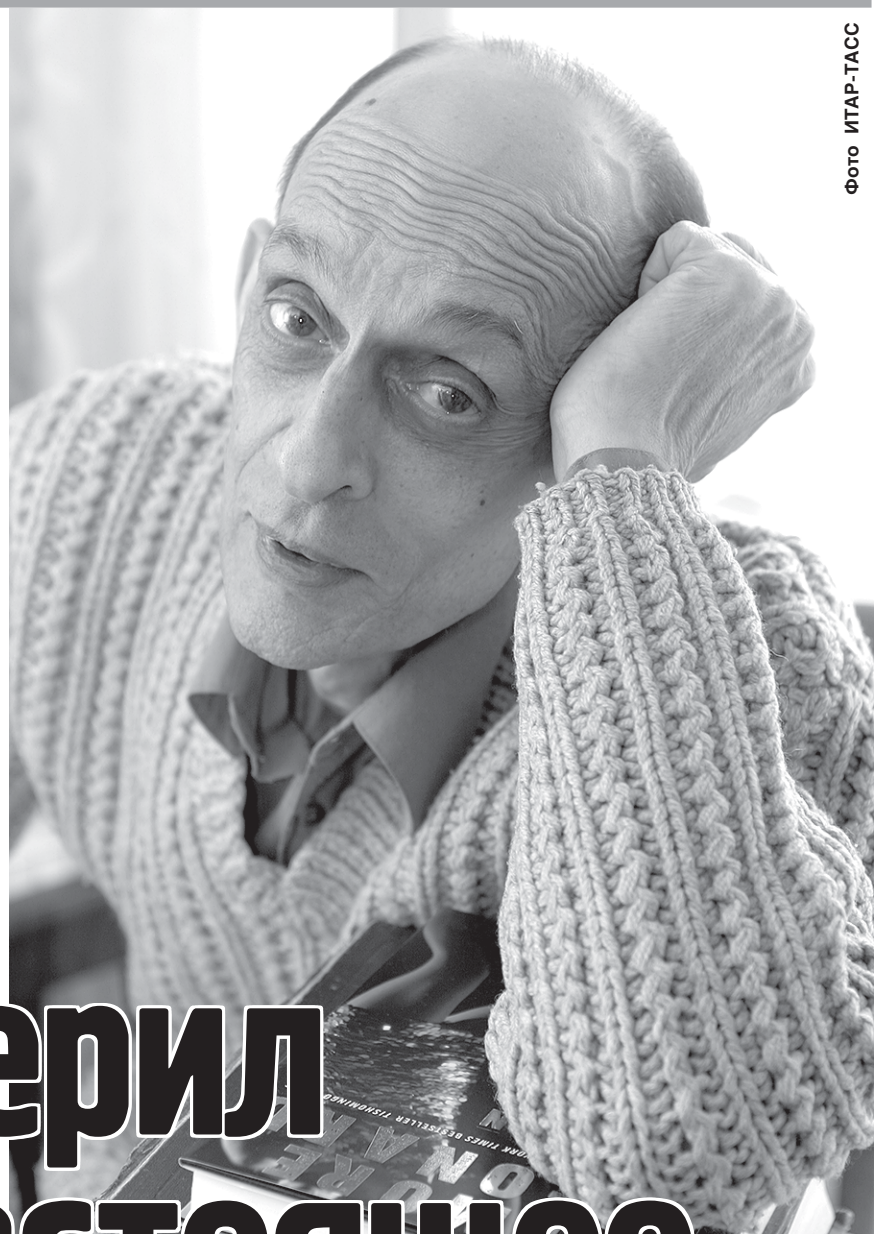

ФОТО ИТАР-ТАСС

Дня три я верил в светлое настоящее

«ЧЕМ СТРАШНЕЕ ТЕМА, ТЕМ ЧУДНЕЙ ЯЗЫК»

— Я не специалист по Платонову, не литературовед и вообще никто, — поспешил уточнить Виктор Петрович. — Я переводчик. Это то, что по-английски называется «отказ от ответственности». В 1962 году я узнал, что был такой человек — Андрей Платонов. А потом как-то мне прислал приятель из Америки «Котлован» в переводе Томаса Уитни — с предисловием Бродского, где было написано, что счастлива страна, где нельзя перевести эту книжку.

Бродский имел в виду, что сам ужас, который описан там, непонятен. Что в этом поймет американец, я не представляю. Может быть, китайцы, которые строили на Западе железную дорогу, лучше поняли бы, потому что они, видимо, примерно в таких условиях существовали.

— А как быть при переводе с языковыми особенностями?

— Платоновские языковые особенности такие сильные, что когда ты переводишь, то очень большой соблазн тоже начать вот так... идиотничать. И поэтому ни за месяц до работы, ни спустя месяц после нельзя читать Платонова. Это очень заразная проза.

От всей этой корявости и нескладности впечатление такое, что человек впервые говорит на русском языке и вообще впервые видит вещи. Первобытное впечатление от текста.

Почему такой странный язык в «Котловане»? Мне кажется, что это результат раздвоенности. С одной стороны, он был убежденный социалист — просто оголтелый. Вот цитата: «Если мы хотим коммунизма, то, значит, нужно истребить буржуазию, истребить не идеологически, а телесно. И не прощать ее, если бы она даже умоляла о прощении. Пролетарий не должен бояться стать убийцей и преступником».

Странно, да? Вроде ты совершенно прав — и при этом возникает слово «пре-

ступник». Вот уже первая такая осечка умственная. А дальше довольно жуткая фраза: «Без зла и преступления ни к чему в мире не дойдешь и умножишь зло, если сам не решишься сделать зло разом за всех и этим кончить его». Это совершенно марксистская логика.

«Котлован» написан после этого жуткого высказывания примерно через семь лет — а люди так быстро не меняются. При этом «Котлован», может быть, самая страшная книжка, которая написана в этой стране. Совершенно безнадёжная.

Про кулаков у него в «Котловане»: «Мы же, согласно Пленуму, обязаны их ликвидировать не менее как класс, чтобы весь пролетариат и батрачье осиротели от врагов». Ну, вот это патология, да? «Осиротели от врагов». Хорошо, что осиротеть от друзей даже нельзя уже. А осиротеть от врагов — тем более.

В общем, если взять весь сюжет «Котлована», то он заканчивается нулевым циклом. В строительстве есть такой неофициальный термин «нулевой цикл» — это когда только котлован копают, еще даже не начинают возводить фундамент. Начинают копать котлован, а кончается рытьем могилы для Насти (девочка, одна из героинь романа. — Прим. ред.), которая для них — будущее социализма. Мне кажется, ему самому там страшно становится. Чем страшнее темы у Платонова, тем чудней язык. Я думаю, что эту невыразимую картину нельзя нормальными словами описать.

«ЭТО НАШЕ СВОЙСТВО — СПЕРВА КОТЛОВАН ВЫРЫТЬ ПОГЛУБЖЕ...»

— «Котлован» — это что-то собственное нашей истории вообще?

— Набоков сказал как-то, что жизнь имеет обыкновенные подражать литературе. Тут можно вспомнить храм Христа Спасителя, который в 1931 году взорвали и стали рыть на его месте котлован для

будущего Дома Советов. Дом Советов должен был иметь высоту как три пирамиды Хеопса, выше Эмпайр-стейт-билдинг. Успели поставить там какие-то стальные конструкции. А потом началась война. Нужно было строить противотанковые ежи, мосты, чтобы везти уголь из Воркуты. Так и разобрали все. Потом, как вы знаете, в котловане устроили самый большой в мире открытый бассейн «Москва». А потом построили копию храма... Это, видимо, наше свойство — мы хотим сперва основательно котлован вырыть, а уж потом какое-то светлое будущее на нем построить.

— Виктор Петрович, раз мы сейчас заговорили об исторической перспективе — за вашу долгую жизнь была ли у вас хотя бы однажды надежда на то, что вот оно, светлое будущее, прямо здесь, сейчас, в настоящем?

— Ага. Дня три. В 1991 году. Ну, после путча. Какая-то самодеятельность пошла в стране. Потом я пошел посмотреть, что происходит около Белого дома. Меня поразило, что какие-то довольно грубые мужики влезали там на танки и довольно грубо, решительно говорили. И это были не физики и никакие не писатели, не интеллигенты — а довольно простые люди, торговцы, которые, видно, только что почувствовали запах кооператива, личного предпринимательства. Это была большая надежда. Было таких три дня.

«ОСУЖДАТЬ — НЕ МОЙ БИЗНЕС»

— Вы сказали о Платонове как о выразителе своего времени. А по поводу современной русской прозы что-то можете сказать? Какую действительность она сейчас отражает?

— Никакого сильного впечатления давно не получал от литературы. Ты же стареешь, и мозговые клетки отмирают. Когда в первый раз прочтешь Фолкнера, это одно. А когда прочтешь Филипа Рота по-

позже — это будет послабее. А потом Рушди прочтешь — будет еще слабее. Это зависит от... ну, свежести мозгов. Каждая книжка в молодости — открытие.

А перевод — это очень сидячая работа, которая занимает много времени. И уже сил на то, чтобы читать, нету.

— Давно хотелось вас спросить по поводу переводов Сэлинджера, «Над пропастью во ржи». Первый, который мы все любим, — принадлежит Рите Райт-Ковалевой. Другой появился недавно — «Ловец на хлебном поле» Максима Немцова. Он очень много вызвал споров, и отношение к нему неоднозначное. Стоит ли переводить все настолько дословно и буквально?

— Я читал эту книгу по-английски. В перевод Риты Райт-Ковалевой заглядывал как-то молодым человеком. Немцова вообще не читал. Мне предлагали участвовать — не в обсуждении его, а в осуждении. Это не мой бизнес. Человек переводит, и так у него тяжелая жизнь, а еще тут я...

«Над пропастью во ржи» — замечательная вещь. Там очень много жаргона, который совершенно не требует сносок. Вот это колоссально, что из самого текста ты понимаешь значение слова. А Рита Райт — конечно, она этой молодежной феней не владеет... И она там пишет «треклятая горка». Так никто не говорит и не говорил, кроме как в литературе.

Но потом ты понимаешь, что феня — очень временная вещь, вроде медных денег. Она уходит. Вот у нас в детстве «классный» говорили. Это потом умерло, стало даже неприлично. А сейчас опять «классный».

Но насчет Риты Райт-Ковалевой есть признак один простой — до сих пор все читают ее перевод. Значит, замечательный перевод.

Беседовал Федор ДУБШАН

Полную версию интервью читайте на нашем сайте vpress.ru